

Фото В. ПЛОТНИКОВА

«БОЛЯЩИЙ ДУХ ВРАЧУЕТ ПЕСНОПЕНЬЕ»

Беседа Юрия ЛОЩИЦА
с Татьяной ПЕТРОВОЙ

очень много, а поскольку сейчас такое время, что эфир покупается, то я у них и не звучу.

— Но не все же покупается?

— Покупается. Приходит, например, певица, которая нашла благодетелей, и они покупают для нее эфирное время, и она звучит. А я не звучу. Но ведь это все равно рано или поздно пройдет. И самое главное, мне кажется, это — быть готовым к тому времени, когда люди захотят тебя услышать. Но если случится, что они захотят тебя услышать, а ты уже не сможешь петь — вот это, наверное, самое страшное. Может, у меня такая судьба, что мне еще пострадать нужно? Впрочем, «страдать» — это, пожалуй, очень красиво звучит. Трудиться нужно. Ведь, как поэт прекрасно сказал: «Болящий дух врачует песнопенье».

— Как вы трудитесь? Вы сразу осваиваете несколько новых песен или работаете над какой-то одной?

— Сразу несколько...

— Владимир Солоухин однажды очень выразительно раскрыл механику того, как у нас радио и телевидение сознательно отбывают слушателей от народной песни. Метода очень простая: в течение многих лет, даже десятилетий постоянно транслируют одни и те же песни: «Степь да степь кругом», «Утес», «Стенька Разин»... Намеренно создано впечатление, что народ больше ничего не пел и не знал. И тем самым внушают, что ему вполне хватит этих десяти — пятнадцати песен на все случаи жизни. Долбят, долбят, долбят в одну точку, а в итоге и молодежь перестает тянуться к народной песне: очень уж, мол, тут у нас все бедно и однообразно... А вот у вас я постоянно вижу стремление найти песни забытые или полузабытые, вернуть их людям.

— Да, я в основном пою песни забытые, незапетые, и очень мало у меня в репертуаре песен популярных. Вот недавно в Японии попросили меня записать на пластинку именно то, что называют шлягерами, наши самые популярные народные песни — «По диким степям Забайкалья», «Вот мчится тройка почтовая»... И для меня это оказалось необыкновенно трудно, потому что я их никогда прежде не пела, пришлось срочно готовиться и очень много поработать, чтобы найти свой какой-то ключик к каждой из этих песен... Ну, а что делаю сейчас? Пытаюсь восстановить весь репертуар Плевичкой. Она ведь была удивительная певица, с необыкновенной судьбой, с захватывающим дух творческим диапазоном. Не только пела народные песни, но и работала с Рахманиновым, были у нее в репертуаре и гражданские песни, тот же «Варяг», «Плещут холодные волны» — это она первая спела. «Шумел, горел пожар московский» — тоже ее песня... Очень меня сейчас увлекает и работа над песнями, которые были напеты Пушкину во время его свадьбы. После того, как цыганка спела ему «Матушка, что во поле пыльное», он, как известно, заплакал и сказал: «Вот в этой-то песне я вижу всю свою судьбу...». Изумительная песня.

— Уже поете ее?

— Пока еще премьеры не было, но я готовлюсь... Очень меня в последнее время притягивают и песни Тверского края.

— Это что — песни из каких-то забытых сборников или из фольклорных экспедиций?

— Да, тут много, как говорится, экспедиционного материала.

— А тот же Смоленский край вам в этом смысле дал что-нибудь?

— В свое время меня очень поразили песни Аграфены Глинкиной. И сейчас, наверное, ни одного концерта нет у меня, чтобы я не исполнила что-то из ее репертуара. И, кстати, когда была последний раз в Смоленске, то очень удивилась, что смоляне свою знаменитую певицу не знают, никто не пел ее песен на конкурсе.

— В писательской среде, особенно среди людей одного поколения, часто не обходится без ревности, без этаким соревновательной заряженности друг против друга. А как у вас складываются отношения с певцами вашего поколения?

— Ревности у меня нет. Наоборот, слезы подкатывают, когда слышу что-то настоящее, когда происходит какое-то музыкальное открытие. Но таких певиц, к сожалению, у нас теперь очень мало. Для меня это два имени — Елена Сапогова и Татьяна Синицына. С Еленой мы еще на Урале познакомились, когда она поступила в Свердловскую, теперь Екатеринбургскую, филармонию, и я даже немного поучилась тогда в ее классе. Она работает на очень высокой ноте, твердо держит свой путь в искусстве... А Танечка? У нее настоящий эпический голос. В самом голосе этом как бы все родное наше содержится, вся связь наша с историей своей, с природой. Если бы люди почаще слышали такой именно

голос, как бы это их облагораживало, как поднимало над сегодняшними бедами, болезнями... Но вот у нее самой беда — она в очень сырой квартире живет, в подвале. Как мы ни пытались что-то для нее сделать, ничего пока не получается. Мечтателей-то у нас хватает, а организаторов нет. А нужно бы несколько концертов сделать благотворительных в ее пользу, и я уверена, многие бы наши именитые певцы и певицы откликнулись. И в итоге купили бы Танечке квартиру посуше, добавили бы ей денег на жилье.

— А министерство культуры наше и тут молчит? Может, и им хоть пару японцев нужно в штат?.. Кстати, раз уж мы снова к японцам вернулись, — как они все же воспринимают русскую песню? Для них это экзотика или они достаточно музыкально одарены, чтобы чувствовать нашу песенную суть?

— Ну, прежде всего, они очень трепетно относятся к самому голосу, как органу природы. У них, видимо, от древности идет отношение к голосу певца как какой-то тайной силе, которая способна лечить человека, гармонически настраивать человеческую душу, да и телесный состав. Поэтому к настоящему голосу они относятся как к дару Божьему. Что до русских песен, то они их даже изучают в школах, у них есть такой особый предмет. В вокальном отношении сами японцы мало одарены, может быть, еще и поэтому у них так развито стремление напитать себя всем лучшим, что есть в музыке мира. Сидишь в их самолет и слышишь Чайковского в исполнении самых лучших оркестров. И так везде, на каждом шагу. У них нигде не услышишь этого музыкального мусора, которым завалены мы с вами. Они говорят: теперь, когда мы добились таких технических успехов, мы способны купить для себя лучшую музыку мира, и она поможет нам стать еще более совершенными. Конечно, можно сделать вывод, что в этом сказывается их рационализм, их самоуверенность. Но по сути это их стремление усвоить все лучшее, все самое достойное, в том числе и в музыке, — прекрасно.

— Хочу вернуться к поэтическому откровению Боратынского, которое повторено вами. Наш поэт приблизился тут к пониманию самой сути песенного дара:

*Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье
И укротит бунтующую страсть...*

Это ведь именно о нас. Это мы сейчас переполнены тяжелыми заблуждениями, бунтующими страстями.

— Врачующая сила пения, действительно, еще почти не изучена. Но она безусловно есть, и я в этом убеждена не раз сама, в том числе глядя на людей в зале, которые ходят на мои концерты постоянно. Вообще, человеческий голос — уникальное творение, единственный инструмент в природе, который имеет два резонатора — голову и грудь. Но голос — что-то большее, чем сумма звучаний. В голос ведь вкладывается и душа, и смысл выпеваемых слов.

— Вы можете сказать, что вы уже знаете свой голос, что вам уже с ним все ясно?

— Нет, вовсе не все. В голосе, если работаешь, не ленишься, постоянно что-то прирастает, открывается, какие-то обнаруживаются новые, неведомые мне свойства и возможности. Можно сказать, что он меня формирует, ведет, воспитывает. Он — меня, а не я — его.

— И напоследок: вы замечаете в себе кроме песенного дара еще и дар прозрения, предчувствия? Что вы как певица думаете о судьбе народа, который вас породил и которому вы служите песней? Встанет ли все же Матушка с колен?

— У Бога все живы. За тысячу лет жизни православной Руси сменило друг друга, наверное, сорок поколений наших предков. Из них два последних изменили своим духовным корням. Но разве эти два могут определять наш путь за всех, кто тут созидал и страдал до них? Нет, у Бога живы и все предыдущие поколения — все наши святые, все наши художники, зодчие, поэты, мыслители, и их помощь нам — это не метафора, а реальность. Как на поле Куликовом помогали нашим ратникам святые Борис и Глеб со своим небесным воинством, так и нам теперь помогают и Сергей Радонежский, и Дмитрий Донской, и новомученики наши Шукшин с Тальковым... На днях меня пригласили на годовщину нашего Православного университета. Какое замечательное впечатление от встречи с этими людьми! Какая у них вера в глазах! Вот — Новые Русские люди, а не те, что разворовывают страну. В глазах этих молодых людей я читала наше завтра. Они уже способны, в отличие от многих непроснувшихся или увязших в жвачке, активно защищать наше национальное бытие. Да, мы стоим между горным и дольным, и страшные силы тянут нас назад и вниз. Но я не просто верю, я верую, что мы возродимся. Надо только неустанно трудиться душой. И надо быть честными перед собой и перед Богом. И, конечно, надо объединяться. Не в какие-то там новые партии, а объединяться в Господе нашем Иисусе Христе.

петь все, что тебе хочется петь, конечно, ни в коем случае не забывая именно народную песню, но и не боясь выходить за пределы канона. Мне кажется, что именно за таким вот расширенным, свободным пониманием жанра — будущее. Нужно петь, по возможности, все, что люди хотят, ждут сегодня от тебя услышать. Вот, например, на последнем своем концерте я пела несколько вещей Рахманинова, в том числе на слова Мережковского и Хомякова, пою постоянно и песни на слова Константина Скворцова. В Доме литераторов впервые спела его «Белый вальс» — своего рода обращение к современным офицерам. Есть у меня такая мечта — спеть и Есенина. Но это очень трудно. Я чувствую, что Есенин звучит во мне, но это как бы заветный порог, к которому подходишь с большой осторожностью, с особым волнением. По-моему, Есенину пока не очень везло в музыке. Может быть, еще такой композитор не родился, который бы открыл всем нам настоящего песенного Есенина.

— Мне кажется почему-то, вам бы очень удался «Клен ты мой опавший».

— Да, я очень люблю эти стихи.

— Сколько чистого времени длится ваш сольный концерт? Часа, наверное, два непрерывного пения? Очень устаете?

— Да, концерт физически опустошает, на следующий день, кажется, пошевелиться не можешь. Очень много энергии из меня уходит...

— А разве нет такого ощущения, что и из зала поступает большой заряд энергии, что происходит как бы обмен энергиями, какое-то восполнение отданного?

— Это есть, конечно. Когда видишь глаза людей, как они выходят — вдохновенные или расплакавшиеся, это тоже тебя заряжает. Но у меня во время концерта еще много и дополнительных трудностей. У меня ведь нет постоянного оркестра, сама должна заботиться и об одежде, и о программе, и о репертуаре. Я ведь и на зарплате нигде не состою, как многие до сих пор в Московском центре.

— Значит, не считая гонораров за концерты, вы от общества ничего не имеете? И государство вас никак не содержит?

— Ну, что вы! Я обязана сама себе быть государством. Вот недавно сняли на телевидении фильм с моими песнями — на пятнадцать минут, и уже стояла в программе. И вдруг выбрасывают из программы, не предупредив даже ни меня, ни зрителей.

— Я представляю, как это должно быть обидно певице. Хотя пятнадцать минут — это всего четыре, пять песен, не больше. А Татьяна Петрова у себя на родине, в России вправе рассчитывать на большее. Японцы почему-то, когда вы к ним приезжаете по их приглашению, слушают, записывают и транслируют вас часами. Если бы в руководстве Останкина был хоть один японец.

— Да, грустно. Все приходится делать с боем. У меня нет дома нормальной аппаратуры. А ведь можно было бы, ко всему прочему, еще и пластинки записывать.

— Ну, а на радио почему вас не привлекают? Давно ли звучал ваш голос на радио?

— На радио? Я даже и не знаю. Дело в том, что в народной редакции программы сократились до восьми часов в неделю. Ну, и они дают прежде всего в эфир людей со званиями, народных артистов. А у меня ведь до сих пор ничего не получается. Пою уже двадцать лет, но все еще хожу в молодых. Но я не обижаясь на них. В радиоархиве моих записей много,